

РАЗДЕЛ II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПОЛИГРАФНЫХ ПРОВЕРОК

Понимание тех психических структур и явлений, которые сегодня мы полагаем основой полиграфных проверок, было вполне определенно сформулировано отдельными исследователями-психологами уже в первой половине XX века. В начале второй половины XX века эти научные представления стали общепризнанными в психологической науке или, как минимум, вошли в число широко востребованных теорий и концепций.

Другими словами, научное представление о психологических понятиях и категориях, которые в действительности, по мнению авторов, составляют собственно психологическую основу полиграфных проверок, было достаточно четко сформулировано уже более полувека назад.

Нерешенной оставалась задача построения психологической модели полиграфных проверок, т.е. описания тех взаимосвязей между психическими явлениями, структурами и процессами, которые обуславливают феномены, наблюдаемые в полиграфных проверках как в особой области действительности. Эту задачу мы решаем в третьем разделе книги, а нижеследующий раздел посвящен краткому рассмотрению собственно психологических категорий и понятий, являющихся необходимой

основой теории полиграфных проверок. К этим категориям и понятиям относятся, в первую очередь, следующие: потребность, эмоция, мотив, деятельность, личностный смысл, установка, – и связанные с ними.

Также будут рассмотрены возникшие уже шестьдесят – восемьдесят лет назад представления, которые сегодня можно воспринимать как фундаментальные для полиграфологии. К их числу относится понимание роли аффективного (эмоционального) следа в механизме «детекции лжи», взгляд на эмоции как на центральный элемент психофизиологического взаимодействия, применение психофизиологического метода для исследования структуры семантических полей и др.

Из числа существующих в психологии концептуальных подходов мы для описания фундамента теории полиграфных проверок выбрали принятый в отечественной психологической науке деятельностный подход. Материал первых двух глав раздела базируется, в основном, на соответствующих главах академического курса С.И. Оглоблина и А.Ю. Молчанова [2004].

1. Понятия потребности, мотива, эмоции и личностного смысла с позиции деятельностного подхода в психологии

1.1. Структура деятельности

Здесь мы кратко рассмотрим некоторые базовые положения деятельностного подхода Рубинштейна-Леонтьева и теории деятельности А. Н. Леонтьева, которая является одной из наиболее признанных концепций в отечественной психологии.

Согласно Леонтьеву, выдвинувшему тезис о единстве психики и деятельности, человеческая деятельность имеет сложную, иерархически организованную макроструктуру. Деятельность включает в себя четыре соподчиненных уровня, а именно:

- 1) высший уровень специфических (особых) видов деятельности;
- 2) уровень действий;
- 3) уровень операций;
- 4) низший психофизиологический уровень, или уровень психофизиологических функций.

Поскольку действие является центральной единицей деятельности, то из дидактических соображений мы начнем рассмотрение ее макроструктуры именно с уровня действий.

В деятельностной концепции под *действием* понимают «процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчиненный сознательной цели» [А.Н. Леонтьев, 2001]. Иначе говоря, действие – это процесс, направленный на реализацию определенной цели. При этом подчеркнем: под целью имеют в виду идеальный субъективный образ желаемого результата.

Характеризуя действие как основную единицу человеческой деятельности, Ю. Б. Гиппенрейтер подчеркивает [Ю.Б. Гиппенрейтер, 2002]:

1) Оно всегда является актом сознательным, поскольку неразрывно связано с постановкой (выбором) цели и ее удержанием в сознании.

2) Действие, будучи связано с сознанием, является в то же время и поведенческим актом. Из этого следует вывод о неразрывном единстве сознания и любой формы адекватного поведения человека.

3) В понятии «действия» отражен принцип активности адекватного человеческого поведения в противовес принципу реактивности (бихевиоризм). Таким образом, постулируется, что исходный пункт анализа подавляющего большинства форм человеческой активности следует искать внутри самого человека, а поэтому поведенческие акты человека представляют собой, по общему правилу, не реакции на стимулы окружающей среды (социальной или природной), а осмысленные действия, которые направлены на реализацию цели в конкретных условиях окружающей среды.

4) Понятие «действия» позволяет анализировать также и формы небιологической человеческой активности (социальной и идеальной), поскольку сознательная цель может иметь самую различную природу (например, овладение знаниями; создание произведения искусства или какого-нибудь материального продукта; борьба за какие-либо моральные или социальные принципы; эгоистические цели, не связанные с удовлетворением биологических потребностей; цели, связанные с представлениями о расовой и национальной исключительности и т. д.). Иначе говоря, в категории деятельности

отражена специфика психики человека по сравнению с любым, даже самым высокоразвитым животным. Таким образом, действие носит предметный характер, т.е. в нем реализуются преимущественно социально обусловленные цели.

Действие получает свою определенность через цель, т. е. охарактеризовав цель, можно определить и характер действия. В этой связи отмечают, в первую очередь, тот факт, что действия в соответствии с уровнем целей различаются по своему масштабу. Некоторые действия направлены на крупные цели. Эти действия подразделяются на действия частные, подчиненные целям более низкого уровня. Такие промежуточные действия могут расчленяться на еще более мелкие действия, направленные на еще более частные (низовые) цели, и т. д. Иначе говоря, любое крупное действие является структурированной совокупностью (последовательностью) действий более низкого уровня (ранга, порядка). Указанное обстоятельство можно проиллюстрировать на следующем бытовом примере.

Допустим, некто хочет приобрести билет на самолет. Для того чтобы реализовать это действие первого ранга, т. е. заполучить в руки авиабилет, некто вынужден произвести ряд более мелких действий второго ранга: он должен посетить сайт авиакомпании и узнать, из какого аэропорта и в какое время вылетает нужный самолет, справиться о наличии билетов, заказать билет на сайте или обратиться в авиакасса. Заказывая билет, некто вынужден будет совершить ряд еще более мелких действий третьего ранга: указать свои паспортные данные, сообщить, на какой рейс ему необходимо приобрести билет, оплатить билет и страховку и т.д.

Очевидно, что действие можно определить как то, что совершает человек. Однако немаловажным является и то, как человек совершает что-либо.

Говоря о том, каким способом реализуется конкретное действие, А.Н. Леонтьев вводит понятие *операции*. Под операциями в деятельностной концепции имеют в виду способы осуществления действия. А.Н. Леонтьев поясняет смысл введенного им понятия следующим образом:

«...цели не изобретаются, не ставятся субъектом произвольно. Они даны в объективных обстоятельствах. Всякая цель – даже такая, как “достичь пункта А” – объективно существует в некоторой предметной ситуации. Конечно, для сознания субъекта цель может выступить в абстракции от этой ситуации. Но ее действие не может абстрагироваться от нее – даже только в воображении. Поэтому помимо своего *интенционального* аспекта (что должно быть достигнуто), действие имеет и свой *операциональный* аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляемое действие отвечает задаче. Задача – это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет свою особую сторону, особый его «момент», а именно способы осуществления действия, соотносятся с теми определенными условиями, в которых она может быть достигнута» [А.Н. Леонтьев, 2001].

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами из криминальной сферы.

Допустим, что некто А. за весьма солидный гонорар подрядился ликвидировать некоего Б. При этом А. знает, что Б. принял самые серьезные меры по обеспечению собственной безопасности и во всем проявляет крайнюю осторожность (его квартира оснащена самыми современными средствами слежения; он передвигается на бронированном автомобиле; всегда находится в окружении нескольких преданных и хорошо подготовленных телохранителей, один из которых круглосуточно следит за автомобилем и т.д.). В этом случае А. приходит к выводу, что достигнуть цели, не подвергая себя явной опасности, он может лишь стреляя в Б. из укрытия и с достаточного расстояния, одновременно с этим не обнаруживая своей позиции и имея пути к отходу. Поэтому, в конце концов, А. производит роковые выстрелы в Б. из винтовки с глушителем с позиции, расположенной на техническом этаже жилого здания, находящегося на расстоянии около двухсот метров по диагонали от охраняемого подъезда элитного дома, в котором проживал Б.

Понятно, что в данном случае интенциональный аспект действия А. представляет собой ликвидацию именно Б., а операциональный аспект действия заключается в том, что в соответствии с теми условиями, в которых необходимо было достигнуть цели (повышенные меры безопасности, принятые Б., и невозможность без риска для себя действовать на близкой дистанции), был произведен бесшумный выстрел из оружия дальнего боя с заранее выбранной, удаленной и замаскированной позиции.

Предположим, что доблестные стражи правопорядка проявили чудеса оперативной смекалки и изловили-таки нескольких подозреваемых, каждый из которых мог быть непосредственным исполнителем преступления.

При этом задержания, скажем, производились лишь на основании агентурной информации и никаких улик (прямых или косвенных) ни по одному из подозреваемых не имеется. Далее допустим, что ничего не добившись от подозреваемых своими традиционными средствами, оперативники обращаются за помощью к полиграфологу, перед которым ставится задача определить причастность-непричастность каждого из задержанных к расследуемому преступлению.

В этом случае (впрочем, как и во всех остальных ситуациях расследования) полиграфолог в построении специальных тестов будет отталкиваться как от интенционального, так и от операционального аспектов действия (ликвидации Б.).

При отработке интенционального аспекта (факт ликвидации именно Б., а не кого-либо другого) полиграфолог формулирует и предъявляет проверочные (Relevant) вопросы, связанные с целью действия, т.е. такие вопросы как: «Кто-либо поручал Вам устранить Б.?», «Вы обдумывали (разрабатывали) план устранения Б.?», «Вы имеете какое-либо отношение к ликвидации Б.?», «Вы обсуждали с кем-либо планы устранения Б.?», «Кто-либо обещал Вам вознаграждение за ликвидацию Б.?» и т.д.

При отработке собственно операционального аспекта полиграфолог в рамках одной из основных методик полиграфных проверок формулирует примерно такие вопросы как: «Выстрел в Б. произвели Вы?», «Вы держали в руках оружие, из которого был произведен выстрел в Б.?», «Вы целились в Б. из огнестрельного оружия?», «В такое-то время Вы находились на техническом этаже дома?», «Вы приобретали (получали от кого-либо) оружие, из которого стреляли в Б.?» и т.д.

В рамках другой основной методики операциональная сторона дела отрабатывается на так называемых частных признаках события. В этом случае задаются вопросы, направленные на установление осведомленности (неосведомленности) подозреваемого о конкретных характеристиках события, таких как: каким способом был убит Б., сколько выстрелов было произведено в Б., из оружия какой марки стреляли, откуда стреляли, в какое время стреляли. Также задаются такие уточняющие вопросы как: «Вам известно достоверно, кто поручил устранить Б.?» (с перечислением предполагаемых вариантов), «Вы знаете наверняка, какая сумма была обещана за услуги?», «Какая сумма была выплачена авансом?» и т.д.

Рассмотрим другой пример. В закрытом хранилище одной весьма уважаемой организации, оказывающей населению услуги по хранению денежных средств и иных материальных ценностей, из номерной банковской ячейки (абонируемой, допустим, скромным преподавателем техникума) совершена кража большой суммы денег в валюте. Собственное внутреннее расследование (осложненное тем, что кража могла произойти в любое время с декабря по апрель) как обычно ни к чему не приводит. Без лишней огласки руководство организации приглашает для проведения нового расследования группу полиграфологов в составе трех человек, которым в течение недели предстояло провести проверку в отношении 35-40 сотрудников организации, т. е. всех сотрудников, имеющих отношение к непосредственной охране хранилища.

Полиграфологи анализируют фабулу дела, осматривают место происшествия и на месте выясняют у руководства специфику охраны объекта. Предположим, что выясняются следующие обстоятельства: похищены деньги

в сумме 40 тыс. долларов, лежавшие в трех стандартных белых конвертах (по 10, 10 и 20 тысяч). Конверты были упакованы в красную картонную папку с завязками. Деньги похищены, скажем, из ячейки №63. Деньги могли быть похищены с декабря по апрель включительно. Для того, чтобы вскрыть ячейку, необходимо одновременно воспользоваться банковским ключом, находящимся у старшего смены, и индивидуальным ключом от ячейки. Индивидуальных ключей всего два. Один из них всегда находится у клиента. Другой ключ (на случай утери первого экземпляра клиентом) находится в специальном пенале, опечатанном спецпломбой (без даты опечатывания). Пломбирователь находится у старшего смены. Опечатанные пеналы находятся в металлическом несгораемом шкафу. Ключ от шкафа есть у каждого из заступивших на смену. На сутках, помимо старшего смены, в изолированном хранилище дежурят еще двое сотрудников. В сменах по различным обстоятельствам нередко допускаются подмены сотрудников.

Таким образом, операционально взять деньги из ячейки можно лишь в том случае, если злоумышленник имеет одновременно доступ к банковскому ключу, индивидуальному ключу и пломбирователю. При этом нельзя исключить возможность сговора между рядовым сотрудником охраны и старшим смены.

Полиграфологи составляют вопросники с учетом интенционального и операционального аспектов деяния. Какие же проверочные (Relevant) вопросы они могли сформулировать и предъявить обследуемым? Вообще, в данном случае можно было бы составить много вопросов (хотя «много» в практике полиграфных проверок не всегда означает «хорошо»). Рассмотрим лишь наиболее очевидные из них.

При отработке интенциональной стороны можно было бы сформулировать такие проверочные вопросы как: «Вы лично имеете какое-либо отношение к пропаже денег?», «Вы намеренно делали что-либо, направленное на хищение пропавших денег?» и т. д.

При отработке операционального состава деяния уместными оказались бы такие проверочные вопросы как:

— Вы договаривались с кем-либо о хищении денег из ячейки?

— Вы брали у старшего смены банковский ключ?

— В день пропажи денег Вы открывали банковским ключом очищенную ячейку?

— Вы брали у старшего смены пломбиратор, чтобы запечатать пенал от очищенной ячейки?

— Вы вскрывали пенал с ключами от очищенной ячейки?

— После хищения денег Вы опечатывали пенал с ключами от очищенной ячейки?

— Вы открывали индивидуальным ключом очищенную ячейку?

— Вы держали в руках хотя бы часть пропавших из ячейки денег?

— Вы выносили пропавшие из ячейки деньги с территории хранилища?

— Вы передавали кому-либо деньги, пропавшие из ячейки?

— Вы достоверно знаете, кто имеет отношение к хищению денег из ячейки?

— Вы точно знаете, как распорядились хотя бы частью пропавших из ячейки денег?

и так далее.

При отработке частных признаков события, с учетом того, что в памяти, как правило, фиксируются признаки, связанные с манипуляцией предметами, можно было бы ставить такие вводные вопросы (с последующим перечислением истинных и ложных признаков) как: «Из какой ячейки пропали деньги?», «Когда пропали деньги?», «Какая сумма была похищена?», «Во что были упакованы пропавшие деньги?», «Какого цвета был предмет, в который были упакованы деньги?» и т.д.

Итак, при составлении вопросников специалист должен тщательно проанализировать интенциональный и возможный операциональный аспекты деяния и формулировать проверочные (Relevant) вопросы на их основе.

Мы рассмотрели действие (в его внутреннем плане) как основную единицу деятельности. Однако ни одно действие не было бы возможным, если бы оно не опиралось на психофизиологические функции, которые, так сказать, «выстилают» действие снизу. Согласно деятельностному подходу в психологии, под психофизиологическими функциями имеют в виду обычное физиологическое обеспечение психических процессов. К ним относятся, например, способность к ощущению и восприятию (активность анализаторов), внимание, память, двигательные функции и т.д. Психофизиологический уровень деятельности представляет собой органическую предпосылку ее содержательной стороны. Остановимся, к примеру, на мнемической функции. Очевидно, что адекватно действовать человек может лишь в том случае, если эта функция не нарушена. Здоровый человек способен осуществлять такие мнемические действия, как ассоциирование представлений, припоминание, упрочение смысловых связей памяти, произвольное запоминание

и т.д. Однако если бы у человека отсутствовала мнемическая функция, то реализация всех этих действий была бы просто физически невозможна. Проиллюстрируем сказанное одним ярким примером. В любом учебнике психиатрии можно найти клиническое описание одной из форм расстройства памяти алкогольного генеза под названием «корсаковский синдром» [С.С. Корсаков, 1954]. Заболевание это проявляется в том, что больной (вследствие дегенеративного изменения нейронов головного мозга) напрочь утрачивает способность к запоминанию текущих событий, даже тех, которые произошли всего несколько минут назад. При этом о событиях, приключившихся до начала заболевания, такой больной помнит достаточно хорошо. Так, больной не помнит, ел ли он сегодня или нет, был ли у него кто-либо сегодня или нет. Больной может постоянно перечитывать одно и то же место в книге и тут же забывать об этом, помногу раз на дню здороваться с врачом и сразу же забывать это, и т.д. Понятно, что если бы такой больной получил инструкцию выучить отрывок из какого-либо текста, то он тотчас бы забыл и сам текст, и саму инструкцию.

Таким образом, «психофизиологические функции составляют органический фундамент процессов деятельности. Без опоры на них невозможны были бы не только выполнение действий, но и постановка самих задач» [Ю.Б. Гиппенрейтер, 2002].

1.2. Потребности и мотивы

Выше было отмечено, что действие направлено на достижение определенной цели. Теперь следует ответить на вопрос: откуда берутся цели. Иначе говоря, что заставляет человека ставить перед собой цели и действовать ради их достижения?

В отечественной психологии ответ на этот вопрос связан с категориями потребности и мотива.

Говоря о *потребности* вообще, в особенности говоря об органических потребностях, обычно имеют в виду «состояния объективной нужды организма в чем-то, что лежит вне него и составляет необходимое условие его нормального функционирования» [Ю.Б. Гиппенрейтер, 2002]. Потребность представляет собой такую сущностную силу любого живого организма, которая обеспечивает его связь с окружающей (социальной и природной) средой для самосохранения и развития. Именно потребность является источником всех форм активности живых организмов. Поэтому потребности служат одновременно и объяснительным принципом целенаправленной деятельности человека. В этой связи до сих пор не потерял своей актуальности (и не потеряет никогда) тезис о том, что «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-нибудь из своих потребностей и ради органа этой потребности»¹.

Каким же образом связаны между собой потребность и деятельность? Отвечая на этот вопрос, нужно сказать, что потребность представляет необходимую предпосылку всякой деятельности. Однако потребность сама по себе, так сказать, абстрактная потребность, не может придать деятельности конкретную направленность. Допустим, у человека имеется потребность в эстетическом переживании, конкретнее: в живописи. Однако на основании этого не представляется возможным судить о том, какие действия он предпримет ради удовлетворения этой потребности. Он может пойти на выставку в художественную галерею, может наблюдать за работой уличного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.3. С.245.